

Е. К. Ромодановская
Институт филологии СО РАН

О И.П. Еремине

18 апреля 2004 года исполнилось сто лет Игорю Петровичу Еремину, профессору Ленинградского университета, виднейшему исследователю древнерусской литературы. Один из зачинателей эстетического анализа средневековых памятников, он занимает особое место в истории нашей науки, а его труды, при своем появлении зачастую вызывавшие бурную полемику (во многих случаях и неприятие среди сторонников других научных школ), с течением времени переходят в разряд классических.

Игорь Петрович никогда не стремился производить внешнее впечатление. Небольшого роста, с тихим голосом, очень изящный и собранный – таким помнят его все, кому посчастливилось слушать его лекции на филологическом факультете ЛГУ. В то же время – требовательный к студентам, как на экзаменах, так и в повседневной работе. Замечания по курсовым работам он произносил негромко, очень спокойно, но настолько серьезно, что свои ошибки помнишь уже всю жизнь и никогда не повторяешь.

И работы его такие же – внешне неброские, но прекрасно выстроенные, по классическим академическим традициям озаглавленные очень скромно. Наряду с четкой формулировкой предмета исследования (“Ораторское искусство [или Литературное наследие] Кирилла Туровского”, “Поэтический стиль Симеона Полоцкого” и т.п.) наиболее любимые формы заглавий – “Из [К] истории ... (старинной русской повести, древнерусской публицистики XI века, древнерусской переводной повести, русско-украинских литературных связей в XVII в., общественной мысли на Украине второй половины XVII в., украинской классической драматургии)” или “К вопросу... (о жанровой природе “Слова о полку Игореве””, о стихотворениях Феофана Прокоповича)”, вообще “К... [чему-нибудь] (спорам о реализме древнерусской литературы, характеристике Нестора как писателя)” или же “О [чем-нибудь] (художественной специфике древнерусской литературы, византийском влиянии в болгарской и древнерусской литературах XI-XII вв.)”¹.

Такая форма может наводить на мысль о *частности* данного исследования, о “малотемье”, незначительности заметки. На самом деле под скромными заглавиями стоят работы, меняющие существовавшие представления о эстетической системе древнерусской литературы, о ее публицистичности, о формах повествовательной прозы. Наибольшее признание и известность в дальнейшем получили труды И. П. Еремина о Симеоне Полоцком, где впервые были охарактеризованы важнейшие черты русского барокко в том виде, в каком они представлены в творчестве первого его носителя [Еремин, 1953; 1958; 1966 (д)]; без ссылок на эти труды не обходятся практически все позднейшие работы как о самом Симеоне, так и о направлении барокко в русской литературе.

Однако не меньшее значение имеют работы Игоря Петровича для изучения системы жанров в литературе Древней Руси, хотя специальных теоретических статей по этой теме мы у него не встретим. Именно поэтому, судя по всему, труды

¹ См. список работ И.П. Еремина: [Демкова, 1964].

И. П. Еремина почти не упоминаются в новейших работах о жанрах.

Наиболее показательна в этом плане глава “Жанры литературы средневековой Руси как историко-культурная реальность” в новом издании ИМЛИ. Автор главы, Л.И. Сазонова, прекрасно охарактеризовав современные споры о том, есть ли вообще понятие жанра в средневековой литературе, приходит к выводу, что, несмотря на “отсутствие у восточных славян вплоть до начала XVII в. кодифицированной риторики, выступающей в роли учебника” [Теория литературы, 2003], “литература Древней Руси ... ориентировалась на... практическую риторику, то есть на риторические принципы, представленные в образце и несущие информацию в том числе и о жанровых параметрах текста” [Там же, с. 169]. В этом аспекте работы И. П. Еремина могли бы дать наибольший практический результат, позволяя показать специфику жанра в конкретном анализе. Однако, мельком упомянув в общем перечне, что И. П. определял “Слово о полку Игореве” как ораторское произведение, автор главы больше нигде не обращается к его работам.

Между тем, весь комплекс трудов И. П. Еремина, несмотря на отсутствие у него принятой в новейшее время терминологии, прекрасно рисуют именно жанровый облик древнерусской литературы. Пожалуй, нет жанра (за исключением, может быть, гимнографии), о котором бы И. П. не писал: помимо “Слова о полку Игореве”, это летописи, патерики, ораторское искусство, послания, публицистика.

И. П. Еремин четко высказал свое принципиальное отношение к анализу жанровой специфики в статье 1943 г. “Жанровая природа “Слова о полку Игореве””. Он пишет: “Жанр есть некая исторически сложившаяся и относительно устойчивая система тех или иных взаимосвязанных элементов художественной структуры произведений искусства; следовательно, определяя жанровую природу того или иного произведения, необходимо учитывать все жанрообразующие элементы его художественной структуры в их единстве” [Еремин, 1966 (б), с. 150]. Здесь возникает и понятие *системы*, и главное – учет *всех* структурных особенностей памятника, которые могут характеризовать жанр¹.

Этот принцип проведен в статье безукоризненно. Автор не обходит вниманием ни одно явление, которое характерно для памятника, и находит каждому из них обильные параллели как в древнерусской, так и в византийской литературе. Среди привлекаемых для сравнения авторов и произведений – Либаний (IV в., приветственное слово императору Юлиану), Иоанн Златоуст, Григорий Назианзин, Илларион, Кирилл Туровский, “Слово о князьях”, “Слово о Лазаревом воскресении”. Рассмотрены структура, стилистика, соотношение устной и письменной традиции, жанровая терминология памятника для того, чтобы найти единственно правильный ответ на вопрос: “Слово о полку Игореве” является произведением торжественной ораторской прозы².

Отстаивая в дискуссии с А. А. Назаревским принципы своего понимания жанра, И. П. писал: “Почему я считаю указанные мною художественные особенности “Слова о полку Игореве” признаками его ораторской природы? Только потому, что в такой комбинации, в таком сочетании, в аналогичном идейно-художественном контексте, они действительно встречаются только в памятниках старинного художественного красноречия, древнерусского в частности. Фактов, которые бы опровергали это наблюдения, мне пока никто не указал” [Еремин, 1956, с. 32].

Доказательства И. П. Еремина были столь основательны, что Л. А. Дмитриев в некрологе, а затем в статье, посвященной И. П. Еремину в “Энциклопедии “Слова о полку Игореве”” заметил: “После работ Еремина даже те исследователи, ко-

¹ Впрочем, *система* здесь относится к характеристике лишь отдельного жанра. Более общее понятие “система жанров” по отношению к литературе средневековья, насколько я представляю, вошло в русское литературоведение в 1960-е годы с работами Д.С. Лихачева [Лихачев, 1986 (б)].

² Позднее идеи этой статьи были развиты И.П. Ереминым в работе “Слово о полку Игореве” как памятник политического красноречия Киевской Руси”: [Еремин, 1950]

торые не разделяют его точку зрения, признают бесспорное наличие в художественной структуре Слова ярко выраженного ораторского начала” [Энциклопедия “Слова о полку Игореве”, 1995, с. 168; ср.: Дмитриев, 1964, с. 421].

Многие мысли И. П. Еремина о принципах изучения жанровой специфики древнерусской литературы до сих пор звучат абсолютно современно. Так, он писал, что путем подбора фактов “из разных произведений, разного времени и разной художественной природы” [Еремин, 1956, с. 30] “можно без особого труда доказать, что жанров в искусстве вообще не бывает, что жанр – фикция, плод нашего первого впечатления”; этот путь “на практике приводит нас и не может не привести к отрицанию правомерности самой постановки вопроса о жанровой природе не только “Слова о полку Игореве”, но и любого другого произведения” [Там же, с. 31]. Мне представляется, что это ответ не только А.А. Назаревскому, с которым шла дискуссия, но и тем современным отрицателям существования средневековых жанров, о которых идет речь в упомянутой “Теории литературы”: только системный анализ позволяет прийти к научно обоснованным выводам и создать достоверную картину бытования и развития разных типов произведений¹.

Особое место среди трудов И. П. Еремина занимают работы по летописанию. Впервые поставив задачей исследования литературоведческий анализ “Повести временных лет”², автор вполне справедливо обратился не к гипотетическим редакциям памятника, предлагаемым А.А. Шахматовым и его последователями, а к дошедшему до нас *реальному тексту*. Обосновывая такой подход, И. П. Еремин пишет: “Реально дошедший до нас текст “Повести” может стать предметом анализа и независимо от его родословной, ибо какую бы сложную историю ни пережил текст того или иного литературного произведения, *текст* этот в своей окончательной редакции *никогда не теряет своего единства как по содержанию, так и по форме*: отрицать это единство в данном случае значило бы рассматривать дошедший до нас текст “Повести”, легший в основу всего древнерусского летописания, как механический сплав разного рода напластований, как текст неполноценный и по содержанию и по форме” [Еремин, 1966 (г), с. 46; *Курсив мой – Е. П.*]. В итоге были охарактеризованы политические и моральные убеждения летописца, его типично средневековая “философия истории” и особенности его художественного метода.

Однако этот чисто филологический подход к тексту вызвал резко отрицательную реакцию со стороны историков, прежде всего Л.В. Черепнина и В.Т. Пашуто. Исследователь был обвинен в узости, антиисторичности подхода к летописи, в необидительной попытке ревизии результатов, достигнутых школой Шахматова. Эти несправедливые нападки на ученого были вызваны, с одной стороны, общей идеологизированной обстановкой 1940-х годов, а с другой – неприятием со стороны, в частности, В. Т. Пашуто выводов И. П. Еремина о происхождении Волынской летописи [см.: Еремин, 1966 (а)], отличных от его собственной концепции.

Однако все эти обвинения (по поводу как упомянутой работы, так и статьи о Киевской летописи) были повторены почти через тридцать лет в монографии, подводящей итоги изучения русского летописания, где прозвучали также упреки

¹ Вопрос о принципах исследования жанровой специфики, сформулированных И.П. Ереминым, не теряет своей остроты и в настоящее время. *Всесторонний анализ* памятника для определения его жанровой характеристики далеко не всегда соблюдается. Так, расплывчатость критериев характерна для работ о жанре притчи, о чем мне уже приходилось писать [Ромодановская, 2001]: к притче относят не только параболы или паремии, но и статьи Физиолога, и предания Повести временных лет, и басни. Все это происходит потому, что не проводится *системный* анализ памятников, тексты выбираются по *внешнему* сходству наличия какого-либо иносказания.

² О литературной стороне летописи до И.П. Еремина известна лишь работа М.И. Сухомлинова (1856 г.), посвященная ее литературным источникам [Сухомлинов, 1856].

в “формально-литературоведческом характере” работы и игнорировании “идейного, классового характера памятника” [Буганов, 1975, с. 144-145, 161]. Главное же возмущение вызвало использованное И. П. Ереминым сравнение древнерусского летописца с пушкинским Пименом: последний был воспринят лишь как носитель политической индифферентности летописца (“Добру и злу внимая равнодушно...”), при этом забыли, что подлинную суть его работы определяет не сам Пимен, а Отрепьев: “...отшельник в тесной келье Здесь на тебя донос ужасный пишет, И не уйдешь ты от суда людского, Как не уйдешь от Божьего суда”.

В наше время, когда с научного исследования сняты ограничения политического и идеологического порядка, работы И. П. Еремина оцениваются совершенно иначе. Как только летописные памятники начали рассматривать как *единый текст*, притом текст, испытавший значительное влияние Писания (см., например, работы И. Н. Данилевского, В. Я. Петрухина и др.), наблюдения И. П. оказались не только востребованными, но и чрезвычайно актуальными. Так, ссылаясь на его статью о “Повести временных лет”, В. Я. Петрухин замечает: “...увлечение исследователей ... исключительно поисками летописных сводов (особенно древнейших), следов их контаминации и редактирования составителями Повести временных лет, а прежде всего – “политических” или “местнических” мотивов их работы... иногда заслоняют не только фигуру летописца в его стремлении к истине ..., но даже и определенное единство самого текста” [Петрухин, 2000, с. 105].

И вопрос о стремлении летописца к моральному поучению правителям, особо подчеркнутый И. П. Ереминым, находит себе подтверждение в наблюдениях над западно-европейскими средневековыми историческими сочинениями. Для средневекового историка вообще, как пишет Б. Гене, “история была “наставницей жизни”, “*magistra vitae*”... не было ни одного историка, который усомнился бы в том, что история должна указывать путь, по какому следует идти, “*via vitae*”, давать пример для подражания, “*exemplum vitae*”. Нет ни одного историка, который не заявил бы в предисловии о своем намерении привести “хороший пример”, чтобы “подвигнуть к добродетели” своих читателей, или, в более общем виде, о намерении писать для того, чтобы читатель “ясно видел, чего ему следует старательно избегать и к чему он должен больше всего стремиться”, “чтобы мудрый человек сумел отринуть зло и выбрать благо”” [Гене, 2002, с. 31]¹.

Летопись как жанр предстает в исследованиях И. П. Еремина в самых разных аспектах. И здесь, как в работах о “Слове о полку Игореве”, подчеркивается существование “внутреннезакономерной системы” [Еремин, 1966 (г), с. 97], определяющей специфику рассматриваемого текста.

Что, по мысли И. П. Еремина, наиболее важно для летописи в целом? При несомненном единстве памятника, о котором уже говорилось, он обладает специфической формой изложения по годам. Это не случайно: “основной категорией, в аспекте которой он [летописец] мог и должен был рассматривать ... события, стало время” [Там же, с. 72]. В итоге “прошлое в изображении летописца предстало перед читателем как простой ряд единичных фактов...: каждый элемент этого ряда выделился в самостоятельную и ... более или менее замкнутую в себе единицу повествования, принял характерную для летописца форму фрагмента” [Там же, с. 75].

¹ Ср.: “Повесть временных лет” – книга, преследующая чисто практическую задачу: показать на ряде конкретных примеров – в рамках рассказа о прошлом, – как надо и как не надо поступать; книга о прошлом Русской земли, но каждой строкой своей повернутая в сторону русской действительности, современной летописцу; книга, проникнутая духом большой тревоги и беспокойства за будущее Русской земли. Летописец писал ее в надежде, что она станет настольной книгой для современных ему князей, что они не только найдут в ней не только необходимую для себя моральную поддержку, но и воспользуются ее уроками как руководством к действию, как учебником поведения в практике своей повседневной государственной деятельности” [Еремин. Повесть, с. 52].

Фрагментарность летописи – важнейшая ее черта: “Фрагментарность и связанная с нею порою внутренняя противоречивость летописного повествования – особенности, определяющие собою всю структуру “Повести временных лет” как памятника литературы” [Там же, с. 76]. Благодаря фрагментарности только и возможно дальнейшее формирование летописных сводов: установив эту закономерность, И. П. Еремин обоснованно поправляет А. А. Шахматова, который не допускал “соединения в одном лице” “летописца”, “автора агиологических статей” и “сводчика” [Шахматов, 1908, с. 470]. Исследователь пишет: “полиморфность летописного повествования в жанровом отношении – его литературная природа; “сборный” характер летописного повествования – прямой результат его исконной “фрагментарности”” [Еремин, 1966 (г), с. 84]².

Ориентация на фрагмент позволяет объединить в одном тексте целый ряд более мелких жанров. И. П. Еремин выделяет пять типов: погодная запись, народно-поэтическое сказание, летописный рассказ, летописная повесть и документ [Еремин, 1966 (в)]. Последний, по его мнению, не имеет собственно художественного значения, остальные детально характеризуются.

Предложенная И. П. Ереминым терминология типов летописного повествования давно принята в нашей науке. Некоторые возражения может вызвать лишь название посмертной характеристики князя летописной повестью, я бы предпочла определение “агиографическая похвала” – на мой взгляд, легко спутать “рассказ” и “повесть”, тем более, что термины “летописная повесть”, “воинская повесть” и т.п. широко применяются в исследованиях позднейших летописей. Однако и термин “повесть” в “ереминском” значении находит место в современной науке [Демкова, 1998].

Пользуясь терминологией, вслед за Д. С. Лихачевым принятой в современной науке [Лихачев, 1986 (а)], И. П. Еремин в работах о летописании дал характеристику как обобщающих (летопись в целом), так и первичных (входящих в летопись) жанров. Этому соотношению было посвящено и его построение курса лекций по древнерусской литературе. В отличие от известных курсов (и в первую очередь от учебника Н.К. Гудзия, который он высоко ценил), его лекции начинались с характеристики не летописания, а агиографии. И это вполне закономерно: без представления о принципах агиографического повествования в целом невозможно понять и агиографический план летописи. Таким образом, уже в выстроенности лекций проводилась идея первичных и обобщающих жанров, позднее детально разработанная и развитая Д. С. Лихачевым.

Итак, хотя И. П. Еремин и не писал, как уже говорилось, специальных работ о жанрах древнерусской литературы, в этой области обойтись без его работ невозможно.

Литература

Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания: Обзор советской литературы. М., 1975.

Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002.

Демкова Н. С. Хронологический список научных трудов И. П. Еремина (1904-1963) // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 425-431.

Демкова Н. С. Летописная агиографическая “повесть” о смерти князя как жанровая модель средневекового повествования // Чтения по истории и культуре древней и новой России. Ярославль, 1998. С. 53-57.

² Выявленная И.П. Ереминым ориентация автора летописи на фрагмент, мне кажется, отражает важнейшую черту древнерусской литературы в целом: многие памятники строятся как цепь фрагментов, мелких элементов, легко заменяемых и переставляемых. Самый яркий пример – Моление Даниила Заточника.

Дмитриев Л. А. Игорь Петрович Еремин // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 418-424.

Еремин И. П. “Слово о полку Игореве” как памятник политического красноречия Киевской Руси // “Слово о полку Игореве”: Сб. исследований и статей /Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 93-129.

Еремин И. П. Симеон Полоцкий – поэт и драматург // Симеон Полоцкий. Избранные сочинения /Подгот. текста. ст. и комм. И.П. Еремина. М.; Л., 1953. С. 223-260.

Еремин И. П. К вопросу о жанровой природе “Слова о полку Игореве” // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 28-34.

Еремин И. П. Ответ на вопрос Советского комитета славистов: Была ли так называемая литература барокко в славянских литературах... // Сборник ответов на вопросы по литературоведению М., 1958. С. 84-85.

Еремин И. П. Волынская летопись 1289-1290 гг. как памятник литературы // Еремин И.П. Литература Древней Руси: (Этюды и характеристики). М.; Л., 1966 (а). С. 164-184.

Еремин И. П. Жанровая природа “Слова о полку Игореве” // Литература Древней Руси: (Этюды и характеристики). М.; Л., 1966 (б). С. 144-163.

Еремин И. П. Киевская летопись как памятник литературы // Еремин И.П. Литература Древней Руси: (Этюды и характеристики). М.; Л., 1966 (в). С. 98-131.

Еремин И. П. “Повесть временных лет” как памятник литературы // Еремин И.П. Литература Древней Руси: (Этюды и характеристики). М.; Л., 1966 (г). С. 42-97.

Еремин И. П. Поэтический стиль Симеона Полоцкого // Еремин И.П. Литература Древней Руси: (Этюды и характеристики). М.; Л., 1966 (д). С. 211-233.

Лихачев Д.С. Зарождение и развитие жанров древнерусской литературы // Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986 (а). С. 89-94.

Лихачев. Система – Лихачев Д.С. Система литературных жанров Древней Руси // Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986 (б). С. 57-78.

Петрухин В.Я. Древняя Русь: Народы. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М., 2000. С. 11-410.

Ромодановская Е.К. К истории жанра притчи в древнерусской литературе // 200 лет первому изданию “Слова о полку Игореве”. Ярославль, 2001. С. 183-188.

Сухомлинов М.И. О древней русской летописи как памятнике литературном // Ученые записки Второго отделения Академии наук. Кн. III. СПб., 1856.

Теория литературы. Т. III. Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении). М., 2003.

Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб. 1908.

Энциклопедия “Слова о полку Игореве”. Т. 2. СПб., 1995.